

УДК 94(470.62)

**ВКЛАД РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
В ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА КУЛЬТУРНОГО И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Д.С. Кидирниязов

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

daniyal2006@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена вкладу русских поэтов, писателей, ученых, врачей в процесс культурного и политического развития региона. Кроме того, российские власти для ускорения процесса подготовки кадров из представителей местных этносов открывали в крае школы, отправляли детей знати в центральные вузы страны также учреждались особые «кавказские» стипендии для содержания учащейся молодежи: в ней видели просветителей и проводников русской культуры в среду народов Северного Кавказа.

Abstract: The article covers the role of Russian poets, writers, scientists and doctors in the process of cultural and political development of the region. The author notes that in order to speed up the process of training specialists among the representatives of the local ethnic groups the Russian authorities opened schools in the region, sent the elite children to central higher educational institutions of the country, established special “Caucasian” scholarships to support the young people who studied and were expected to be enlighteners and extensionists of Russian culture among the peoples of the North Caucasus.

Ключевые слова: Дагестан, Россия, Кавказ, интеллигенция, учебные заведения, художники, национальная культура, просветители.

Keywords: Dagestan, Russia, Caucasus, intellectuals, educational institutions, painters, national culture, enlighteners.

На протяжении многих столетий Северный Кавказ, в частности Дагестан, привлекает внимание исследователей многоликостью региона, его полиэтничностью, языковой пестротой, разнообразием обычаев. Регион является уникальным местом, отличающимся интенсивностью межнациональных отношений. Исследователи указывают на «древнейшее культурное единство Кавказа и кавказскую этническую общность» (*Крунтов Е.И.*, 1960. С. 10; *Гаджиев М.Г.*, 1974. С. 11–28).

Многое в художественном наследии северокавказских народов идет от этой общекавказской общности. Так, общим для народов региона является нартский эпос, многие сюжеты сказок, легенд, преданий, притч. Известный кавказовед XIX в. П.К. Услар подчеркивал поразительную близость дагестанских и вайнахских пословиц и поговорок, как будто их создавал один этнос (*Услар П.К.*, 1868. Вып. 1. С. 1–42). Сравнительный анализ языков, календарных, семейных обрядов, праздников народов Дагестана, чеченцев и других северокавказских этносов обнаруживает их большое сходство (*Халилов Х.М.*, 2001. С. 127).

Здесь сформировалась уникальная модель мирного сосуществования народов. Издавна народы региона поддерживали между собой тесные экономические, политические и этнокультурные связи. Как отмечал известный кавказовед В.Г. Гаджиев, «схожие условия жизни, общность исторических судеб, вековые экономические и культурные связи, материальное и духовное взаимовлияние, взаимообогащение, поддержка и взаимовыручка порождали идею общности происхождения народов Кавказа» (*Гаджиев В.Г.*, 1982. С. 8). В течение многих столетий, живя по соседству и находясь в тесном общении, пройдя в своем культурно-историческом развитии большой и сложный путь, народы не могли быть замкнутыми, изолированными друг от друга, оказывая взаимовлияние, взаимообогащаясь различными

культурными ценностями, в результате чего у них выработалось много черт региональной общности духовного облика.

Северокавказские народы постоянно пытались сохранить добрососедские отношения между собой, а после присоединения к России поддерживать мир на всем российском социокультурном пространстве.

Между тем следует учитывать и тот факт, что протекающий сегодня процесс глобализации привел к усилению не только взаимодействия, но и взаимопроникновения различных культурных традиций, в частности, этнической партикулярной, российско-советской, западной и восточной культурными парадигмами, бесспорно, обусловив уникальность северокавказского социокультурного пространства (Юсупова Г.И., 2011. С. 281).

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в Дагестан и на Северный Кавказ вслед за русскими войсками приезжали купцы, писатели, ученые. Выдающиеся деятели Дагестана и Северного Кавказа выросли под влиянием русской культурной среды. А.С. Пушкин, М.Ю.Лермонтов, А.С. Грибоедов и др. с любовью относились к местному населению, к их быту, обычаям, культуре. Природа края, жизнь его народов были одним из источников их творчества.

Немалую роль в культурном и общественно-политическом возрождении края сыграли ссыльные революционеры, в том числе офицеры и солдаты-декабристы – А.И. Одоевский, А.А.Бестужев-Марлинский.

Внимание передовых представителей русской культуры к народам региона проявилось и в поддержке первых образованных людей из среды северокавказского общества. Немалую роль в становлении национальных литераторов, писателей, поэтов сыграли видные деятели русской культуры А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский, Л.Н. Толстой, П.К.Услар и многие другие, с которыми поддерживали отношения и были лично знакомы представители местной интеллигенции.

Передовые люди России относились с глубоким сочувствием к народам окраин страны, оказывали содействие развитию их культуры. А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.С. Лермонтов, Н.А. Добролюбов, А.И. Полежаев, Л.Н. Толстой, А.А. Бестужев-Марлинский и др. проявляли огромный интерес к Дагестану и Северному Кавказу, фольклору и этнографии местных народов. Они посвятили народам Кавказа много своих произведений (романов, поэм и стихотворений) (Каймаразов Г.Ш., 1971. С. 110–113.).

Образы Кавказа внесли новые мотивы в русскую живопись. Картины и рисунки М.Ю.Лермонтова, полотна П.З. Захарова-Чеченского, Г.Г. Гагарина, Ф.А. Рубо, Е.А. Лансере и других являются выдающимися творениями искусства.

Находясь под кавказским влиянием, российская культура оказывала большое воздействие на культуру местных народов. Кавказ очаровывал и завораживал российскую интеллигенцию. В.Г. Белинский отмечал: «С ясной руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой, раздельной воли, но и неисчерпаемой поэзии. Кавказ – эта колыбель поэзии Пушкина – сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова» (цит по: А.С. Пушкин: исследования и материалы, 1983. С. 20).

Кавказский край вдохновлял поэтов и композиторов, наполняя их произведения своими мотивами, как это было у М.И. Глинки, а А.А. Алябьев создал цикл романсов на кавказские стихи известных поэтов (Край наш Ставрополье, 1999. С. 120).

А.С. Грибоедов также предлагал приобщить кавказские народы к наукам и искусству, создать сеть учебных и медицинских учреждений (Грибоедов А.С., 1959. С. 494).

Следует отметить, что идеи и проекты мирного освоения края не получили все же полного применения на практике. Тем не менее просветительские идеи и проекты XVIII–XIX вв. по мирному освоению Кавказа свидетельствуют об объективно нарастающих, пусть не всегда последовательных, прогрессивных тенденциях общественной мысли России.

Великий русский поэт М.Ю. Лермонтов был на Кавказе в 1837 и 1840–1841 гг., и тема Кавказской войны занимала немалое место в его творчестве. Интерес к краю был у поэта постоянен, но во время второй ссылки он превратился в обдуманый план большого, эпического проекта. М.Ю. Лермонтов служил в российских войсках и участвовал в сражении у р. Валерик. Герои его произведений «Герой нашего времени», «Мцыри» и другие взяты из кавказской жизни поэта.

Объективные предпосылки для сближения народов Северного Кавказа и приобщения их к передовой прогрессивной культуре русского народа создались после включения региона в состав России.

Как отмечалось выше, прогрессивные деятели России создали исполненные реалистической силы образы северокавказцев, дали полное описание региона. В благородном деле укрепления

связей и дружбы между местными народами и Россией значительное место принадлежит А.С.Пушкину, М.Ю. Лермонтову, А. Шишкову, В.И. Немировичу-Данченко, П.К. Услару, И.С.Костемеровскому, А. Руновскому и др.

Особое место в плеяде русских творческих деятелей, тесно связанных с краем, принадлежит Л.Н. Толстому. Проживая несколько лет в середине XIX в. в регионе, он изучил тюркский язык, живо интересовался всеми сторонами жизни местных народов, их историей, народной медициной, фольклором и т.д.

Собранный богатый историко-этнографический материал писатель использовал в своих произведениях «Казачьи», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат» и др. Особенно большой известностью в России, в том числе и на Северном Кавказе, пользовалась повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (*Далгат У.Б.*, 1960. С. 89–90).

Неоценимый вклад в исследование природных ресурсов края, истории, этнографии и языка северокавказских народов внесли русские ученые С. Броневский, О. Евецкий, П.К. Услар, А.Берже, Н. Дубровин, М.М. Ковалевский, Д.Н. Анучин и многие другие.

Изданные в XIX в. труды прогрессивной русской интеллигенции открыли Северный Кавказ для европейского и российского обществ.

Большой вклад в научное изучение Дагестана и Северного Кавказа внесли также известные представители российской науки, такие как П.Г. Бутков, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, П.С.Паллас, А.П. Берже, М.М. Ковалевский, П.К. Услар, Е.М. Шилинг, Н.И. Пирогов, Д.Н.Анучин, А. Неверовский, И.С. Костемеровский и др. (*Каймаразов Г.Ш.*, 1971. С. 81, 109, 113–119, 120, 121, 122, 123).

Так, П.К. Услар написал крупные исследования по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому и табасаранскому языкам и составил для них азбуки, положив в основу русскую графику (*Каймаразов Г.Ш.*, 1971. С. 113).

Аполон Иванович Руновский родился в 1823 г. в дворянской семье из Воронежской губернии. После окончания Второго кадетского корпуса в 1840 г. был зачислен в Кюрийский пехотный полк на Кавказе. С 1859 по 1862 год состоял вторым приставом при плененном имаме Шамиле. Им на основе личных бесед с имамом написан ряд работ по истории имамата Шамиля.

В середине 50-х гг. XIX в. А. Руновский служил смотрителем Грозненского военновременного госпиталя и часто встречался с народными лекарями из числа местных народов, в том числе и с дагестанскими (Кавказский календарь, 1855. С. 727). Один из сюжетов дневников А.Руновского, касающихся народной медицины, был опубликован в АКАК (АКАК, 1904. Т.12. С.1395–1427). Автор упоминает в своем дневнике известных народных хирургов из Дагестана Абдул-Азиза Унцукульского, Гусейн-Магому из Эрпели, Магому из Кудали и др. (АКАК, 1904. Т.12. С. 1463–1464).

В середине XIX в. были предприняты попытки российских властей самостоятельно обучать медиков для населения Северного Кавказа. Например, первая медицинская школа в крае была открыта по инициативе штаб-лекаря И.С. Костемеровского в дагестанском селе Верхний Дженгутай. В учебном заведении готовили помощников фельдшеров. Число желающих получить медицинское образование не только из Дагестана, но и со всего Северо-Кавказского края было столь велико, что полковой командир распорядился выделить для школы другое помещение, так как старое уже не вмещало всех желающих (*Пылков О.С.*, 2006. Вып. 5. С. 35).

В Дагестане и Чечне было много народных лекарей (хакимов), которые восхищали своими операциями и лечением русских гражданских и военных людей, живших на Кавказе.

В 1847 г. на Северный Кавказ в действующую армию отправился известный русский хирург Н.И. Пирогов. Он побывал в Кавказских Минеральных Водах, Грозном, Кизляре, в горном Дагестане. Затем опубликовал свой «Отчет о путешествии по Кавказу». Он осмотрел многие военные госпитали, гражданские медицинские учреждения, с похвалой отзывался о многих врачах, но в то же время убедился в плохом состоянии лечебного дела в регионе. В том же году при осаде крепости Салты Пирогов впервые в истории хирургии применил эфир для наркоза в полевых условиях (История Чечни, 2013. Т. 3. С. 335).

После этого более 600 операций под наркозом он провел в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Казикумухе и др. Кроме того, известный врач много сделал для обучения научным методам лечения местных хакимов. Так, ассистентом его в 1847 г. был Г.Муртузалиев из акушинского селения Бутри (История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.), 1988. С. 243).

С большой теплотой известный хирург отзывался о местном населении. Пирогов с большим вниманием относился к лечебной деятельности народных лекарей, которые нередко излечивали

тяжелораненых русских солдат и офицеров. О больших познаниях народных лекарей свидетельствует такой пример. В 1847 г. при осаде русскими крепости Салта был смертельно ранен в грудь офицер Мищенко. Наместник Кавказа Воронцов просил Пирогова сделать все возможное, чтобы спасти жизнь подполковнику. Известный хирург осмотрел рану, «признал ее смертельной и на выздоровление никакой надежды не имел». И все же пригласили местного народного лекаря. Последний «принялся за дело так удачно, что раненый был исцелен и прожил после того еще двадцать пять лет в постоянной деятельности» (*Зиссерман А.*, 1879. Ч. 2. С. 328).

Русские ученые, побывавшие в Дагестане, давали высокую оценку народной медицине, в частности хирургии. Известный военный историк Н.Дубровин отмечал: «Результаты лечения дагестанских хирургов, можно сказать, невероятны; почти нет ни одной раны, за исключением, конечно, чисто смертельной, которую бы туземные медики не вылечили и притом так, что пациент их не подвергается уже затем никаким дурным последствиям...

Ампутацию членов дагестанские хирурги производили не иначе, как в суставах... Все подобные операции совершались простым кинжалом, быстро, с незначительной болью... В Дагестане не было вовсе или были весьма редкие примеры, чтобы ампутированный умирал, в особенности под ножом оператора» (*Дубровин Н.*, 1871. Т. 1. С. 584). Современник Абдурахман из Казикумуха отмечал, что искусство дагестанских хирургов заключается в том, что они «никогда не ампутуют ни ногу, ни руку, ни другую часть тела, кроме исключительного случая» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 129).

Высоко отзывался о дагестанских хакимах, как уже было сказано, русский ученый Н.И.Пирогов. Автор указывал, что местные лекари имеют «большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну» (*Пирогов Н.И.*, 1952. С. 69). Другой русский исследователь А. Неверовский, побывавший в 40-х гг. XIX в. в Дагестане, подчеркивал, что «в горах превосходно лечат травами все наружные болезни, а в особенности раны от холодного и огнестрельного оружия. Один из жителей деревни Эрпели шамхальского владения так вылечивал раны, что к нему присылали больных даже с гор. Когда имя его сделалось известно русским, то к нему были отправлены два фельдшера для обучения, и медики наши сознались, что метод его лечения заслуживал внимания» (*Неверовский А.*, 1877. С. 35).

Неплохих результатов добились дагестанские лекари при лечении огнестрельных ран. Н.И.Пирогов описывает такие леченья, осложненные раздроблением кости, присутствием пули. «В отверстие раны вносится как можно глубже толстая, из тряпки сделанная турунда, смоченная едким веществом, обыкновенно мышьяком, и оставляется там на несколько дней. Сделав это, врач старается первые два дня различными способами препятствовать сну больного... Сильная боль от действия едкого вещества на рану, лихорадка и бессонница приводят организм больного, наконец, в изнеможение, которое обыкновенно кончается крепким сном. С появлением нагноения турунда вытаскивается, и рана очищается от омертвевшей клетчатки» (*Пирогов Н.И.*, 1952. С. 73).

Подобный способ лечения наблюдал русский офицер Ф. Торнау у народов Северо-Западного Кавказа в период Кавказской войны (*Торнау Ф.Ф.*, 1864. Ч. I. С. 378–379). Местные лекари лечили также инфекционные болезни. Так, ногайские лекари добились немалых успехов в лечении туберкулеза. Туберкулез лечили кобыльим молоком (кумысом), соблюдая особую диету (*Гимбатова М.Б.*, 2005. С. 135).

Местные лекари до тонкости знали костоправство, что высоко ценилось и российской военной администрацией. «Известно, – отмечает кубанский ученый Б.В. Виноградов, – что некоторые гакиды (лекари. – Авт.) были приглашены командованием русских войск в 1835 г. в качестве полковых или дивизионных врачей для обслуживания войсковых частей, состоящих преимущественно из кавказцев. Для изучения их приемов к гакимам прикомандировывались русские фельдшера» (*Виноградов Б.С.*, 1964. Вып. 1. С. 141). Н.И. Пирогов пристально изучал народную медицину и привлекал лекарей к лечению солдат в военных лазаретах. Известный хирург подарил набор хирургических инструментов народному лекарю в Дагестане (*Виноградов Б.С.*, 1964. Вып. 1. С. 146).

Активным пропагандистом передовой культуры, грамоты, медицинских знаний в Дагестане был просветитель И.С. Костемеровский, выходец из Рязанщины. За время работы в регионе с 1844 г. и до своей смерти в 1891 г., врач Костемеровский оказал медицинскую помощь 15 тыс. местных жителей (*Гаджиев Б.И.*, 1992. С. 12). Благодаря широкой эрудиции, знанию дагестанских языков, квалифицированному врачеванию, он заслужил всеобщую признательность и уважение местного населения. В 1856 г. И.С. Костемеровский открыл в с. Нижний Дженгутай первую русскую школу

для обучения местных детей чтению и русской грамматике, чистописание, письмо, математика, история, география и др. (Егорова В.П., 2000. С. 12).

Необходимо отметить, что в развитии культуры северокавказских народов важную роль сыграла периодическая печать, выходящая на русском языке: «Кавказ», «Ставропольские губернские ведомости» и др. Кроме того, выходили сборники «Кавказский календарь», «Кавказский сборник», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др.

В этих изданиях публиковались очерки и статьи о народах края, причем среди авторов было немало представителей из местных этносов.

По мере включения территорий Северного Кавказа в состав Российского государства встала проблема интеграции северокавказского общества в культурное и правовое пространство Российской империи.

Организация в крае сети учебных заведений являлась одним из способов решения этой проблемы.

Важным шагом в развитии русско-кавказских культурных связей было открытие в Моздоке первой школы «для осетинских, ингушских и прочих горских народов детей». 27 сентября 1764 г. был издан указ «О заведении при урочище Моздок, где из новокрещенных горских народов селение заводится, для осетинских и ингушских и прочих горских детей школы, ...» (Материалы по истории осетинского народа, 1942. Т. 5. С. 34).

До вхождения региона в состав России у местных народов не было светских учебных заведений. Учеба велась в примечетских мектебах (школах).

Чтобы интегрировать северокавказское общество в культурное пространство страны, российские власти стали принимать молодежь из местной знати в военные учебные заведения. Ежегодный прием был установлен в количестве 30 человек. Выпускники обеспечивались офицерским жалованием и направлялись в кавказские регулярные части. Так, в 1843 г. из числа выпускников-северокавказцев военных училищ были направлены: в кадетские корпуса – 2 корнета, Дворянский полк – 4 офицера, гусарские полки – 5 корнетов; в Московскую и Брест-Литовскую кавалерийскую дивизию – в каждую по 12 офицеров (Прокудин К.А., 2007. С. 99).

Кроме того, нужно было приобщать местное население к русскому языку и русской культуре. В 1804 г. в Ставрополе было открыто приходское училище, а позже, в 1811 г., – уездное училище. Затем также учебные заведения были открыты в Георгиевске (1818 г.), в Моздоке и Кизляре в 1820 г. (Кошев М.А., 1991. С. 15).

В 1837 г. была открыта Ставропольская областная мужская гимназия. В 1842 г. при гимназии было организовано подготовительное отделение для молодежи из числа местных народов, которая после успешного окончания должна была поступать в военные училища. В 1847 г. это мужское учебное заведение стало называться Ставропольская губернская мужская гимназия. В гимназии могли учиться дети из всего региона. В конце 1848 г. при гимназии было открыто 15 специальных вакансий для детей из местных народов, а в 1853 г. число увеличилось до 50 человек. Так, в 1853 г. именной список «воспитанников благородного пансиона Ставропольской губернской гимназии из детей почтенных горцев, выглядел так: «Бекмурза Ахлов – сын поручика, Мурзабек Канмурзин – прапорщик, Сагай-Гирей Ханов – прапорщик, Касай Мансуров – ногайский князь, Эдиге Мансуров – князь, Мурзабек Куденетов – сын князя и др. (Прокудин К.А., 2007. С. 101).

Кроме того, с 1849 г. детям местных народов были даны вакантные места в ведущих высших учебных заведениях страны (Удовик В.А., 2000. С. 168–169).

Конец XVIII–XIX вв. вошел в историю России как период чрезвычайно динамичного расширения границ за счет присоединения новых территорий.

Под влиянием передовой русской культуры в Дагестане и на Северном Кавказе происходило формирование местной интеллигенции. Большую известность получили просветители, ученые, поэты Г. Алкадари, А. Акаев, Х. Геничутлинский, Махмуд, Батырай, Э. Найманов, М. Казембек, Ш. Ногмов и др. В ходе этого зарождалось и крепло военное сотрудничество российской армии с новыми подданными, нарабатывался опыт привлечения их на военную службу. Из представителей местной знати скоро выдвинулись военные офицеры. Из числа северокавказцев некоторые дослужились до иных высоких званий, как, например, кумыки ген.-м. М. Уцмиев, Д.-М. Шихалиев; ногайцы: ген.-м. Д. Тоганов был приставом Кабарды (1770–1781 гг.), комендантом Моздока, полковник А. Ураков (1782–1794 гг.) был приставом кабардинцев, поручик Н. Имангулов – приставом кизлярских ногайцев, ген.-м. Султан Менгли-Гирей – главным ногайским приставом; абазин М.-Г. Лоов дослужился до звания полковника и др. (РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1. 1781 г. Л. 38–40; АКАК. 1866. Т. 2. С. 1117; Кидирниязов Д.С., 2013. С. 77, 93; Каймаразов Г.Ш., 1971.

С. 82). Многие представители местной интеллигенции вышли из среды военных: Ш.Б. Ногмов (кабардинец), Хан-Гирей (кабардинец), М. Казембек (азербайджанец), Казы-Гирей (ногаец), П.Захаров (чеченец), С.-Б. Абаев (балкарец) и др. (*Кумыков Т.Х.*, 2002. С. 13; *Виноградов В.Б.*, 2006. С. 21–22; *История Чечни*, 2008. Т. 1. С. 755).

В изучаемое время, особенно после присоединения Северного Кавказа к России, местные народы получили возможность приобщения к мировой культуре и науке. Получившие образование в учебных заведениях страны и привлекаемые к службе в российской армии, представители местных народов вовлекались в сферу новых общественных явлений, круг их интересов расширялся. Некоторые из них активно занимались изучением истории, этнографии, быта своих народов.

В числе северокавказцев, получивших образование в русской военно-дворянской среде и занимавшихся исследованием истории и быта народов края, был кумык Д.-М.М. Шихалиев (1811–1880), уроженец с. Эндирей, в 30-е гг. XIX в. был уже офицером, служил при штабе войск Кавказской линии. С 1853 г. в звании подполковника он был главным приставом магометанских народов Ставропольской губернии. Работа Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках» была напечатана в газете «Кавказ». В своем труде автор подробно описывает политическую историю кумыков, социальные отношения, хозяйственные занятия и быт. Кроме того, Шихалиев также здесь пишет о чеченцах, ногайцах, аварцах и др. (*Шихалиев Д.-М.М.*, 1848. № 37–44).

Большую известность обрел своими исследованиями по востоковедению профессор Санкт-Петербургского университета М.М. Казембек, родившийся в 1802 г. в Дербенте. Он автор более 100 работ. Несколько его работ посвящены истории Кавказа, Центральной Азии, Крыма. Кроме того, он освещал Кавказскую войну и вопросы ислама (*Казембек М.М.*, 1859. № 12. С. 48).

Ученый-филолог М. Хандиев (около 1818–1861 гг.) родом из аварского с. Тинди работал в Новочеркасске преподавателем аварского языка. Он составил азбуку, грамматику и хрестоматию своего народа. С ним хорошо был знаком П.К. Услар (*Каймаразов Г.Ш.*, 1971. С. 84–85).

Другой дагестанский ученый – лакец Абдулла Омаров был известным педагогом, этнографом, языковедом. Он активно сотрудничал с П.К. Усларом в изучении родного языка. Несколько лет А. Омаров был переводчиком Кавказского горского управления в Тифлисе. Он автор 2 очерков о жизни и быте лакского народа. В них он описывает обряды, быт, пищу, религию, ремесленные занятия, жизнь учеников-муталимов. Он также составил учебник для школ (*Омаров А.*, 1868. Вып. 1; Он же: 1869. Вып. 2).

Ш.Б. Ногмов (1794–1844 гг.), историк и фольклорист, поэт и общественный деятель, получил духовное образование в Дагестане (с. Эндирей), являлся автором «Кабардино-русского словаря» и грамматики, любитель и собиратель народных песен и сказаний, автор многих поэтических произведений (*История Кабардино-Балкарской АССР.*, 1967. Т. 1. С. 242–243). Его работа «История адыгейского народа» была написана на высоком для своего времени уровне.

Как известно, среди русских офицеров и дворян, бывавших на Северном Кавказе, со временем вошло в обычай собирать местных детей-сирот и отправлять в гарнизоны или города на воспитание. Впоследствии многие получали хорошее светское образование (*Кумыков Т.Х.*, 1962. С. 47).

Жизнь в крупных российских городах Москве, Петербурге, знакомство с передовой европейской культурой и выдающимися представителями русской интеллигенции, посещение театров, библиотек, музеев; обучение в высших учебных заведениях, военных училищах и гимназиях – все это дало возможность для формирования северокавказской интеллигенции, сыгравшей позже роль просветителей местных народов.

Дмитрий Степанович Кодзоков (до крещения Лукман Магометович, годы жизни 1818–1893 гг.) – известный просветитель кабардинского народа. Желая дать своему сыну светское образование, отец отдал мальчика в семью Хомяковых, принадлежавших к просвещенным слоям русского общества. Закончив пансион, Кодзоков в 1834 г. поступил в Московский университет. С 1863 по 1888 г. Д.С. Кодзоков был председателем сословно-поземельной комиссии на Тереке и Кубани. Он сыграл немалую роль в просветительском движении в Кабардино-Балкарии. Печатался в «Кавказе», «Терских ведомостях», «Ставропольских губернских ведомостях» и других периодических изданиях. Ему принадлежит большое количество статей по различным вопросам общественно-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа (*История Кабардино-Балкарской АССР*, 1967. Т. 1. С. 428–430).

Следует отметить, что под влиянием передовой русской литературы у некоторых народов региона зародилась своя национальная литература. Местные писатели встречали со стороны деятелей русской культуры внимание и поддержку. Так, в 1825 г., как отмечал писатель

С.Д.Нечаев, кабардинский просветитель и поэт Ш.Б. Ногмов сочинял «небольшие поэмы» (Московский телеграф, 1826. Ч. 1. С. 36). В первом томе «Современника», изданном в 1836 г. при содействии и с послесловием А.С. Пушкина была опубликована повесть ногайского писателя Казы-Гирея (1807–1863 гг.) «Долина Ажитугай» и очерк «Персидский анекдот». А.С. Пушкин-издатель писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей» (*Виноградов В.Б.*, 2006. С. 21).

Большую роль в изучении истории и этнографии народов Северного Кавказа сыграла газета «Кавказ», издававшаяся в Тифлисе с 1846 по 1917 г. В.Г. Белинский восторженно встретил появление этой газеты. Он писал: «Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание – неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа» (*Современник*, 1847. № 1).

Известным историком и этнографом первой половины XIX в. является адыгский просветитель Хан-Гирей. В 1836 г. автор завершил написание своего труда «Записки о Черкесии» (*Кумыков Т.Х.*, 1968).

Все это свидетельствует о том, что под влиянием русской культуры в крае происходило формирование местной интеллигенции, которая определяла пути и направления дальнейшего развития культуры народов Северного Кавказа.

В целом шло взаимное обогащение культур: русской, которая впитывала в себя богатства национальных традиций, и культуры местных народов, которая испытывала влияние передовой русской прогрессивной культуры.

Как известно, со второй половины XVIII Россия, вышедшая на мировую арену, с особой очевидностью встала перед решением задачи политико-территориального оформления своих границ. Вместе с тем, бурный процесс формирования русской нации в многонациональной уже стране вызвал оживленное обсуждение национального вопроса как в правительственных кругах, так и в среде российских просветителей.

Своеобразное решение вопроса государственного устройства Российского государства было предложено известным российским просветителем, правоведом и социологом С.Е. Десницким (1740–1789 гг.) в его проекте (*Десницкий С.Е.*, 1952. Т. 1), составленном в 1768 г. Он одним из первых российских просветителей уделил внимание жителям национальных окраин страны, в том числе и северокавказским народам, «состоящим под двумя званиями: одни именуются казацкими войсками, куда относится и войско запорожское; другие слывут неkochующими народами» (*Десницкий С.Е.*, 1952. Т. 1. С. 322). Автор стремился отыскать гармоничное сочетание государственно-бюрократических интересов с жизненными потребностями нерусских народов: «равномерно сделать им благополучнейшее и согласное с государственными интересами положение» (*Десницкий С.Е.*, 1952. Т. 1. С. 324). Для смягчения нравов народов С.Е. Десницкий предлагал просвещение в соответствии со своими философскими взглядами, вложенными им в формулу: «Труд человеческий и разум чего на свете не превозмогают» (*Десницкий С.Е.*, 1952. Т. 1. С. 324).

Принципиальные сомнения в правильности политического курса, принятого российскими властями на Кавказе, высказал один из выдающихся государственных и общественных деятелей страны Н.С. Мордвинов (1754–1845 гг.) в своей записке «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия» (Архив графов Мордвиновых, 1902. Т. 5. С. 148–155; *Кавказ и Российская империя.*, 2005. С. 266). Вот что писал об этой статье известный дворянский историк Д.Н. Романовский: «В записке своей адмирал Мордвинов старается доказать вред употребления оружия и высказывает убеждение, что главным средством для покорения горцев должны служить сношения мирные и торговые» (Архив графов Мордвиновых. 1902. Т. 5. С. 151).

По мнению Н.С. Мордвинова, следует немедленно приступить к широкому экономическому освоению края путем вовлечения местного населения в хозяйственную жизнь страны. Он считал такой путь гораздо более эффективным, чем любые военные экспедиции по усмирению кавказцев (Архив графов Мордвиновых. 1902. Т. 5. С. 151). Автор, отдавая должное гостеприимству местного населения, предлагал «сею всеобщую добродетельностью воспользоваться и привязать к себе оною всех народоначальников, чиновников и старшин семейств. Главкомандующий и все чиновники российские в домах своих должны иметь особые комнаты, всегда готовые к принятию гостей своих, устроенные, снабженные всем, что для горского жителя может быть приятным, покойным и увеселительным» (Архив графов Мордвиновых. 1902. Т. 5. С. 152).

Кроме того, Н.С. Мордвинов считал, что «для вящего поощрения к присоединению к нам народов сих полезно бы было учредить временные в году празднества, кои могли бы различными

увеселениями привлекать оных горских жителей. Дабы успешнее действовать на нравы, их и водворить между ними понятия и обычаи нации, полезно бы завести в городах наших школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных и сии училища устроить так, чтобы в оных находили они свои обряды. Некоторых привлекать из них в Санкт-Петербург, составить из них гвардейский кавказский отряд с ограничением службы на четыре года» (Архив графов Мордвиновых. 1902. Т. 5. С. 143).

Проект с достаточно широкой программой, разработанный Н.С. Мордвиновым в июне 1816 г., был зачитан им на заседании Комитета министров России, который определил, что необходимо «поднести журнал сей и мнение адмирала Мордвинова на высочайшее разрешение, дабы сообразно оному приступить можно было Комитету к составлению инструкции г-л. Ермолову». Мнение автора «государь изволил читать 30-го июня 1816 года», а через 2 дня последовал высочайший именной указ Комитету министров страны, в котором отмечено: «Находя полезными правила в мнении, поданным в Комитет адм. Мордвиновым, предписываю оное сообщить г-л. Ермолову для рассмотрения и соображения на месте» (*Кусов Г.И.*, 1987. С. 148–149; *Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З.*, 2013. С. 79). Копия проекта была направлена «проконсулу Кавказа» А.П.Ермолову. Однако идеи и доводы Н.С. Мордвинова остались, по сути дела, благими пожеланиями, не совместимыми с политикой царизма в регионе.

Следует отметить, что с еще более продуманным проектом выступил в 1828 г. выдающийся дипломат и писатель А.С. Грибоедов, жизнь и творчество которого были тесно связаны с Кавказом.

Осознание реальности военно-политической обстановки в крае без прикрас стало побудительным фактором для А.С. Грибоедова к выработке большого и прогрессивного по тем временам проекта «Российской закавказской кампании» (*Лебедев А.А.*, 1982. С. 135). Документ был составлен менее чем за полгода, хотя задуман был значительно раньше (*Лебедев А.А.*, 1982. С. 134).

Следует отметить, что в противовес ермоловской политики «репрессалий» по отношению к северокавказцам А.С. Грибоедов указывал: «Ничто не крепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод» (*Грибоедов А.С.*, 1959. С. 493). «Совместное хозяйственное и культурное движение народов России и Кавказа – таков был идеал А.С. Грибоедова» (*Жданов Ю.А.*, 1982. С. 42).

Русский писатель М.Ю. Лермонтов был одним из первых, кто без всяких обиняков признавался в любви к Кавказу. Впрочем, по-настоящему он полюбил его уже в зрелые годы, во время своих ссылок 1837 и 1840–1841 гг. в своих произведениях «Мцыри», «Кавказская колыбельная песня», «Герой нашего времени», «Валерик», «Кавказец» и др. (*Захаров В.А.*, 2003. С. 534).

В начале 1765 г. в Моздоке было получено предписание из Петербурга «о скорейшем заведении» Моздокской школы и о «поспешном построении для оной» деревянного дома, «где бы могли жить учителя и ученики», и «о приискании в учителя искусных людей, особливо знающие горские языки» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 269). Все это было исполнено. В том же году школа была открыта. Учреждение и управление ею было возложено на астраханского генерал-губернатора Бекетова и кизлярского коменданта ген.-м. Ступишина (*Ларина В.И.*, 1957. Т. 19. С. 198–199). По своему назначению это учебное заведение должно было служить интересам государства: готовить из детей привилегированных сословий местных народов преданных России людей – активных проводников российской политики в крае. Поэтому в школу принимались дети старшин и местных владетелей. Количество детей за все годы существования школы (1765–1793 гг.) колебалось от 9 до 46 человек (*Ларина В.И.*, 1957. Т. 19. С. 199).

Следует отметить, что г. Ставрополь также сыграл большую роль в культурной жизни народов региона. Так, 18 октября 1837 г. была открыта Ставропольская мужская гимназия (как Кавказская областная). Первые гимназисты из местных народов появились здесь в 1849 г. И с этого времени в учебном заведении учились представители всех народов региона. Число их было довольно значительным. В 1857 г. в Ставропольской гимназии обучалось 65 представителей местных народов. Изучались в ней история, статистика, география, языки русский, французский, ногайский, арабский и др. Так, например, в 1883 г. в пансионате учились 20 осетин, 4 аварца, 5 кумыков, 2 ногайца, 5 лезгин, 3 ингуша, 1 чеченец и др. (*Зульпукарова Э.М.-Г.*, 2003. С. 178).

Как известно, в XVIII в. российское правительство пыталось применить в крае аманатство (аманат – араб. заложник).

Российские власти в знак покорности брали по несколько аманатов от влиятельных северокавказских владетелей, узденских и старшинских фамилий. Аманаты содержались в Терках, Святом Кресте, Кизляре, Моздоке и Астрахани. Так, в начале XVII в. в Терском городе содержалось 14 северокавказских заложников, в кр. Святой Крест – 18 аманатов (1733 г.), в

Кизляре – 20 человек (1760 г.). Все были в возрасте от 3 до 26 лет. В Кизляре для аманатов был даже выстроен специальный «двор» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 157, 158).

С активным продвижением России в регион, в январе 1786 г. ген.-поручик П.С. Потемкин в рапорте князю Г.А. Потемкину представил «Положение о заложниках». В нем, в частности отмечалось: «Из давних времен положено с разных народов сопредельных, которые ныне уже подданные суть престолу Е.И.В., брать аманатов... по одному владельческому сыну и двух узденей, а с деревень, которые владельцам не повинуются брать по одному из старшинских детей...» (РГВИА. Ф. 52. Оп. 194/1. Ч. 2. Д. 366. Л. 13–14 об).

Следует отметить, что заложники были призваны служить средством распространения российского влияния на Северном Кавказе. Аманатам по ходатайству ген. Долгорукова, который отмечал, что им «весьма надлежит жалованье давать для нашей пользы», выдавалось ежегодное жалованье, размер которого был обусловлен социальным происхождением аманата. Так, дети кабардинских, аксаевских и других кумыкских владельцев получали в год 147 руб. 60 коп., узденские дети получали 49 руб. 20 коп., а дети старшин получали от 15 руб. 60 коп. до 48 руб. Необходимо указать, что в случае нарушения местными владельцами лояльности в отношении России содержание заложника уменьшалось наполовину и более, а самого аманата ссылали в Астрахань (АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. 1757 г. Д. 8. Л. 270 об). Срок пребывания в аманатах составлял 1 год, по истечении которого он подлежал освобождению, а его место – занимал новый заложник. Однако российские власти почти никогда не освобождали аманатов к формально установленному сроку. Многие северокавказские аманаты содержались в России настолько долго, что они навсегда оставались в России. Кавказская администрация считала, что в результате приобщения к русской культуре аманаты не только пожелают вернуться обратно на родину, но «будут усердием стараться отцов и матерей, также и родственников, вызывать на жительство в Россию» (цит. по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С. 94). Так, некоторые из них, поддерживая переписку со своими близкими, под давлением российских властей описывали свою жизнь в аманатах с самой лучшей стороны и призывали северокавказцев к подданству России и покорности российской администрации на Кавказе. В этом отношении интерес представляет история кумыкского князя Муцала Муртазалиева, бывшего заложником в Астрахани, о котором Коллегия иностранных дел в секретном указе астраханскому губернатору А.П. Волынскому сообщала: «И когда он, ген.-майор Кропотов, будет писать к тебе о взятые у помянутого аманатчика Мусала писем к горским князьям или к другим кому из тамошних народов для приласканий и склонения оных к интересам е.и.в., то тебе такие требуемые от ген.-м. отсылать» (АВПРИ. Ф. Кабардинские дала. Оп. 115. 1725 г. Д. 1. Л. 10 с об). Красноречиво свидетельствует об этом письмо М.Муртазалиева на имя кумыкских владельцев, в котором в частности отмечалось: «Я вас тесно прошу для самого Бога, ежели желаете мне и себе добра, то вы поступите по предложению к приказу господина г.-м.Кроптова. Крепко вас обнадеживаю, что высокою е.и.в. милостию взысканы будете, а я с своей стороны буду всякие способы искать, чтобы знак моего возблагодарения вам показать...» (АВПРИ. Ф. Кабардинские дала. Оп. 115. 1725 г. Д. 1. Л. 6 с об) По утверждению известного военного историка И.Дебу, те же заложники, которые по освобождении возвращались на родину, также «разглашали между своими единоземцами о могуществе России, о милостях, предводителем многочисленных российских войск оказываемых, и об обращении с ними» (*Дебу И.*, 1829. С. 161).

Таким образом, институт аманатства являлся своеобразной школой, периодически выпускавшей не только сторонников России, но и хороших агитаторов среди местного населения пророссийской ориентации. С этой целью императорскими указами предписывалось заложников обучать грамоте, «стараться отвадить от варварских нравов, вселять модность и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С.157, 158). Вводя в обучение русский язык, российские власти рассчитывали на то, что «егда показанные школьники действительно российской грамоте обучатца и в совершенные лета войдут, и в России обживутца, то уже и неуповательно, чтобы они паки в свою сторону возымели намерение» (цит по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. 2005. С. 94).

Следует отметить, что российские города-крепости для местных народов имели важное значение не только как политический и экономические, но и как культурные центры региона (*Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М.*, 2015. С. 165). В Кизляре возникли первые русские школы для северокавказцев. Так, при Кизлярском монастыре и Осетинской комиссии существовала особая школа для аманатов. В 1763 г. был издан царский указ, предписывающий содержащихся в Кизляре заложников обучать русской грамоте. В 1775 г. астраханский губернатор П.Кречетов предложил

открыть школу, куда дети могли приезжать со своими воспитателями. По мнению губернатора, со временем, возможно, было бы вообще отказаться от практики аманатства (*Клычникова М.В., Клычникова Ю.Ю., 2006. С. 131*). В конце 60-е – 70-е гг. XVIII столетия в числе аманатов были ногаец К. Тоганов, кумык Д. Хасаев, кабардинец Ш.-Г. Куденетов и др., которые «в Кизлярских школах обучались и знали русской грамоте читать и писать» (РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1. 1781 г. Л. 38–40).

Кроме того, в ходе обсуждения проекта П.С. Потемкина об образовании Кавказской губернии затрагивался также вопрос о строительстве в г. Екатеринограде двух соборных церквей и при ней народной школы. Обучаться в ней должны были также и аманаты от местных народов. Училище было открыто в 1788 г., однако оно просуществовало недолго (*Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю., 2006. С. 130*). В связи с перенесением губернского центра в г. Георгиевск учебное заведение в Екатеринограде было закрыто.

Между тем этот вопрос не раз поднимался российской администрацией на Кавказе. Так, ген. П.Д. Цицианов предлагал открыть в Екатеринограде и Георгиевске школы для обучения там русскому языку детей северокавказских владетелей для дальнейшего их перевода в кадетские корпуса (АКАК. 1866. Т. 2. С. 953).

С конца 30-х гг. XIX столетия российские власти начали уделять пристальное внимание просвещению местных народов.

Основная задача, которая ставилась перед российским правительством через систему светских образовательных учреждений в регионе, заключалась в «прививании привязанности» к русскому образу жизни, духовной и материальной культуре страны в целом. Способствовать этим целям должно было совместное обучение детей местных народов с русскими (*Дзагов Р.К., 2006. С. 528*).

Кроме того, существовали и национальные школы, как у местного населения, так и у казаков и русских переселенцев. На территории края увеличивалось число открываемых учебных заведений. Например, в 1848 г. в горско-еврейском поселке в Нальчике при синагоге была открыта конфессиональная школа. Там же в 1860 г. открыли Нальчикскую окружную горскую школу с изучением Закона Божьего и мусульманских законов (Там же. С. 530).

Первое российское учебное заведение в Дагестане – уездное училище было открыто в Дербенте в 1837 г. В 1838 г. число учащихся достигало 35 человек (*Каймаразов Г.Ш., 1971. С. 65*).

Необходимо указать, что российские власти на Северном Кавказе, понимая роль ислама в жизни местных народов, использовали это обстоятельство в интересах империи. Например, в Кизляре дети знатных мусульман-горожан обучались в школах или медресе при мечетях. В первой четверти XIX в. в городе имелось 5 мусульманских школ для ногайцев, преподавателями в которых также были представители мусульманской духовной элиты (*Кидирнязов Д.С., 2013. С. 78*).

В конце 40-х гг. XIX в. в Дербенте также была открыта мусульманская школа. В 1849 г. российской администрацией в Дагестане были открыты ещё 8 мусульманских школ. В начале 1855 г. Дербентская мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру. А в 1861 г. мусульманская школа в Темир-Хан-Шуре вошла в состав открывшейся горской школы. В этой школе наряду с преподаванием общеобразовательных дисциплин определенное внимание уделялось практическим занятиям в области народных ремесел и сельскохозяйственного производства (*Каймаразов Г.Ш., 1971. С. 66–68*). В 60-е гг. XIX в. в Дербенте и Темир-Хан-Шуре были открыты также женские школы (*Каймаразов Г.Ш., 1971. С. 70*).

Когда Кавказская война уже близилась к завершению, наместник на Кавказе ген.-адъютант князь А.И. Барятинский обратился к императору Александру II с предложением учредить «для образования детей горских туземных племен Кавказа особые школы». Вскоре царь одобрил составленные и рассмотренные Кавказским комитетом проект устава и штат горских школ (ПСЗ. СПб., 1860. Собр. 2. Т. 30. № 34654).

«Устав о горских школах» был высочайше утвержден в октябре 1859 г. Согласно этому документу учреждались окружные школы в Темир-Хан-Шуре, Владикавказе, Нальчике, а начальные – в Грозном, Сухуми, Усть-Лабинске (ПСЗ. СПб., 1860. Собр. 2. Т. 30. № 34654).

Как выше отмечалось, ставропольская мужская гимназия сыграла большую роль в подготовке светской интеллигенции из местных народов. На содержание гимназии государство выделяло ежегодно 8519 руб. (АКАК. 1885. Т. 10. С. 885). Уже в середине 50-х гг. XIX в. из числа воспитанников пансиона 38–40,5 процентов были представителями местных этносов (Горская молодежь в русских учебных заведениях..., 1971. Вып. 12–13. С. 269).

25 января 1866 г. Кавказский комитет утвердил предложение наместника Кавказа о преобразовании Ставропольской гимназии в классическую с греческим и латинским языками.

Кроме того, при ней было учреждено реальное отделение для местных народов с преподаванием латинского языка. По окончании отделения выпускники из северокавказских народов могли продолжать учебу в вузах страны.

В конце XVIII – первой половине XIX в. активизировалась тяга местных этносов к русской культуре, к русскому языку и литературе, что помогло становлению национальной культуры и литературы народов региона. Передовые представители северокавказской интеллигенции стали активными поборниками усвоения местными народами русской культуры. Русский язык не только приобщал местное население к богатой русской культуре, но и раскрывал перед ними достижения мировой цивилизации. С другой стороны и русский язык много почерпнул из языков народов края. Таким образом, происходило взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культур русского и северокавказского народов.

ЛИТЕРАТУРА

- АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. 1757 г. Д. 8.
АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. – 1238 с.; 1885. Т. 10. – 938 с.; 1904. Т.12. – 1556 с.
Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. – 868 с.
Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5. – 457 с.
Виноградов Б.С. Пирогов в нашем крае // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Вып. 1.
Виноградов В.Б. Казы-Гирей – ногайский просветитель // Возрождение. № 9. Махачкала, 2006. С. 21-22.
Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шура. Махачкала, 1992.
Гаджиев В.Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Сб. статей. Махачкала, 1982.
Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11-28.
Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. – 188 с.
Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12–13.
Грибоедов А.С. Сборник произведений. М.; Л., 1959.
Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – сер. XIX века. Ростов н/Д, 1984. – 159 с.
Далгат У.Б. Л.Н. Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960. – 190 с.
Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи / Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2-х т. М., 1952. Т. 1.
Дзагов Р.К. К истории развития образования в Кабарде в XIX – начале XX века // Исторический вестник. Вып. IV. Нальчик, 2006.
Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. – 640 с.
Егорова В.П. Костемеревский (1813–1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000. – 80 с.
Жданов Ю.А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982.
Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003.
Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 2. – 441 с.
Зульпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции. конец XIX – середина XX века. Махачкала, 2003. – 360 с.
История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. – 432 с.
История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. – 653 с.
История Чечни. Т. 3. Грозный, 2013. – 656 с.
Кавказский календарь на 1856 год, Тифлис, 1855. – 785 с.
Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. 720 с.
Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. М., 1971. – 478 с.
Казембек М.М. Мюридизм и Шамиль // Русское слово. СПб., 1859. № 12.
Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. – 456 с.
Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З. Идеи «государственного устройства» Кавказа в российской просветительской мысли первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2(28). Ч. II. Тамбов: Грамота, 2013. С. 78-83.
Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории. № 3. М., 2015. С. 163-169.
Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006. – 158 с.
Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Нальчик, 1991.
Край наш Ставрополье. Ставрополь, 1999. – 528 с.
Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

- Кумыков Т.Х.* Жизнь и общественная деятельность Л.М. Коздокова. Нальчик, 1962. – 80 с.
- Кумыков Т.Х.* Хан-Гирей. Нальчик, 1968. – 132 с.
- Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002. – 446 с.
- Кусов Г.И.* Малоизвестные страницы кавказского путешествия А.С.Пушкина. Орджоникидзе, 1987.
- Ларина В.И.* Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19.
- Лебедев А.А.* Куда влечет тебя свободный ум. М., 1982.
- Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. – 294 с.
- Московский телеграф. М., 1826. Ч. 1.
- Неверовский А.* Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1877.
- Омаров А.* Воспоминания муталима / ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 13–64.
- Омаров А.* Как живут лаки (из воспоминания детства) // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 1–70.
- Пирогов Н.И.* Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952.
- Прокудин К.А.* Интеграции горского общества в культурное и правовое пространство Российской империи // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 октября 2007 г.). Армавир, 2007.
- ПСЗ. СПб., 1860. Собр. 2. Т. 30. № 34654.
- Пылков О.С.* Участие российской армии в создании системы медицинского обеспечения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2006. Вып. 5. С. 27–37.
- РГВИА. Ф. 52. Оп. 194/1. Ч. 2. Д. 366. Л. 13–14 об.
- Современник. М., 1847. № 1.
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. I.
- Удовик В.А.* Светлейший князь М.С. Воронцов. СПб., 2000. – 220 с.
- Услар П.К.* Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 1–42.
- Халилов Х.М.* Лакско-чеченские фольклорные взаимосвязи и взаимовлияния // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане / Доклады Международной научной конференции. Махачкала, 2001. С. 126–134.
- Шихалиев Д.-М.М.* Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. Тифлис, 1848. № 37–44.
- Юсупова Г.И.* Взаимодействие культурных традиций в условиях глобализации // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г.) Ростов-на-Дону, 2011.